

Научная статья

УДК 821.161.1+82-92

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5521

Столетний юбилей Ф. М. Достоевского в контексте советской прессы

Д. Е. Куликова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: egle13solnze@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрено отношение к Ф. М. Достоевскому в советской России в период празднования его столетнего юбилея на основе материалов, опубликованных в периодической печати («Труд», «Петроградская правда», «Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов», «Народное просвещение», «Красный воин», «Красный командир», «Красная новь», «Печать и революция», «Зори грядущего», «Экран: вестник театра, искусства, кино, спорта», «Жизнь искусства», «Саррабис», «Вестник литературы», «Летопись Дома Литераторов», «Артельное дело», «Начала» и др.). Многие тексты ранее не рассматривались в работах по достоевистике. В советской прессе предпринимались многочисленные попытки интерпретации творчества и идей Ф. М. Достоевского в духе социализма. Противоречившие революционной идеологии взгляды писателя строители коммунизма либо отвергали, либо искажали в соответствии со своими целями. Им импонировал образ бывшего каторжника, защитника «униженных и оскорбленных». В некоторых журналах («Артельное дело», «Начала» и т. д.), возникших в Петрограде в период нэпа, выходили религиозно-философские работы о Ф. М. Достоевском. Двойственность отношения к писателю, присутствие в прессе как социалистических, так и христианских трактовок были признаком переходной исторической эпохи.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, литературный юбилей, советская журналистика, социализм, нэп

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90021 Достоевский («Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)»).

Для цитирования: Куликова Д. Е. Столетний юбилей Ф. М. Достоевского в контексте советской прессы // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 3. С. 156–182. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5521

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5521

Centenary of F. M. Dostoevsky's Birth in the Soviet Russian Press

Daria E. Kulikova

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

e-mail: egle13solnze@mail.ru

Abstract. This article considers the attitude towards F. M. Dostoevsky in Soviet Russia during the celebration of his centenary based on materials published in the periodical press. Articles from newspapers and magazines of that era (*Trud*, *Petrogradskaya Pravda*, *Izvestiya Petrogradskogo soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov*, *Narodnoe prosveshcheni*, *Krasnyy voin*, *Krasnyy komandir*, *Krasnaya Nov'*, *Pechat' i revolyutsiya*, *Zhizn' iskusstva*, *Sarrabis*, *Vestnik literatury*, *Artel'noe delo*, *Nachala*, etc.) were used. Many of these texts have not been previously analyzed by scholars of Dostoevsky's work. Numerous attempts were made in the Soviet press to interpret the work and ideas of F. M. Dostoevsky in the spirit of socialism. The writer's negative view of revolutionary ideology was either rejected or distorted by Socialists, however, they were attracted by the image of a former convict and a defender of the "humiliated and insulted". Certain magazines (*Artel'noe delo*, *Nachala*) that appeared in Petrograd during the NEP period, published religious and philosophical articles about F. M. Dostoevsky. The ambivalence of the attitude towards the writer, the presence of socialist and Christian interpretations of his work in the press were a sign of a transitional historical period.

Keywords: F. M. Dostoevsky, literary anniversary, Soviet journalism, socialism, NEP

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90021 Dostoevsky ("Dostoevsky: Life and Legacy. Biographical Lacunae. Perception of His Life and Work in the Russian National Consciousness (1881–1921)").

For citation: Kulikova D. E. Centenary of F. M. Dostoevsky's Birth in the Soviet Russian Press. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2021, vol. 8, no. 3, pp. 156–182. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5521 (In Russ.)

Столетний юбилей Ф. М. Достоевского отмечался в сложный для России исторический момент. Страна была измучена гражданской войной, интервенцией, крестьянскими волнениями. В марте 1921 г. на X съезде РКП (б) В. И. Ленин объявил о переходе к нэпу, что означало временную либерализацию режима. В этот год сразу две знаковые даты — сто лет со дня рождения и сорокалетие кончины Достоевского — побудили общественность обратиться к творчеству писателя. Литературный юбилей вызвал много откликов в печати; одни из них имеют широкую известность, другие почти забыты. На основе публикаций в прессе мы получили представление о том, как относились к Ф. М. Достоевскому в это противоречивое время.

Прежде всего, необходимо отметить важную роль столетнего юбилея в становлении советского достоевсковедения. Именно в тот период было

по-настоящему осознано значение творчества писателя, понята ценность его писем и рукописей [Захаров, 2021: 9]. Развитию науки о Ф. М. Достоевском способствовал тот факт, что в конце 1910-х — начале 1920-х гг. стали доступны для изучения новые источники (переписка с редакцией «Русского вестника», черновой вариант «Пушкинской речи», дневник А. П. Сусловой и др.; см. подр.: [Гроссман: 122–125]). Вышедшие на немецком языке воспоминания дочери писателя Л. Ф. Достоевской сразу же получили противоречивую оценку¹. Включение в научный оборот неопубликованных рукописей Ф. М. Достоевского, дневников его жены и других документов стало возможным после того, как были вскрыты шкатулка из сейфа А. Г. Достоевской в Главархиве (1921 г.) и несгораемый ящик, хранившийся в Историческом музее (1922 г.)².

Столетие Ф. М. Достоевского было первым в истории советской России литературным юбилеем [Захаров, 2021: 8]. Газеты и журналы внимательно следили за ходом мероприятий, публиковали анонсы событий³. Своими впечатлениями о том, как почтили память Ф. М. Достоевского в его родном городе — Москве, поделился историк Ч. Ветринский (В. Е. Чешихин) на страницах петербургского журнала Общества взаимопомощи литераторов и ученых «Вестник литературы»:

«Дни Достоевского» начались в Москве за несколько дней до поминального 12-го ноября. Губполитпросвет выпустил для народных аудиторий, клубов, школ и проч. плакат о жизни Достоевского и его деятельности, причем в оценке писателя подчеркнута особая точка зрения — официальное признание гения, с оговоркою, что Достоевский не сторонник рабоче-крестьянской социальной революции. Лекций и чтений о Достоевском для широкой публики народной аудитории было немало. Московский совет переименовал больницу, в которой родился Достоевский, в больницу его имени. Этим чествования официального характера и кончились. «Известия», «Правда» и «Коммунистический Труд» не отметили дня юбилея никакими поминальными статьями. Шире развертывается отклик на юбилей со стороны общественности»⁴.

На основе этого и других источников можно восстановить хронику юбилейных мероприятий. В Москве Губполитпросвет организовал более пятидесяти лекций-бесед с участием П. Н. Сакулина, В. Ф. Переверзева, В. М. Фриче и других ученых. К памятной дате были приурочены три вечера в Политехническом музее: читали Ю. И. Айхенвальд («Душа Достоевского»), В. А. Поссе («Религия Достоевского») и А. В. Луначарский («Достоевский как художник и мыслитель»). На заседании Вольной Академии Духовной Культуры выступили Н. А. Бердяев («О миросозерцании Достоевского»), Б. П. Вышеславцев («Русская стихия у Достоевского»), Б. А. Грифцов («Эстетика Достоевского») и Г. И. Чулков («Символизм Достоевского»),

состоялась беседа на тему «Мистическая атмосфера романов Достоевского». На вечере в Обществе любителей российской словесности П. Н. Сакулин произнес вступительное слово, Л. П. Гроссман представил содержательный обзор творчества писателя, Н. Л. Бродский говорил о замысле «Жития великого грешника», А. А. Грушка — о «Пушкинской речи». На собрании Всероссийского союза писателей В. Е. Чехихин сделал доклад об отношении Ф. М. Достоевского к социализму, Б. А. Грифцов — о художественных приемах в повести «Кроткая», Н. А. Бердяев — о «Великом инквизиторе» как центральном произведении в мировоззрении писателя. Вечера состоялись и в ряде других организаций. В нескольких храмах были отслужены панихиды по Ф. М. Достоевскому. В Историческом музее была открыта выставка его памяти⁵.

В Петрограде в Пушкинском Доме состоялось торжественное заседание Российской Академии наук, Дома Литераторов, Петроградского университета, Петроградского института книговедения, Русского библиологического общества, Союза писателей, Музея революции и других организаций, после чего была открыта выставка, посвященная Ф. М. Достоевскому. Заседания прошли также в Доме Литераторов, в Вольной философской ассоциации, где с докладами выступили С. А. Аскольдов («Религиозные и этические взгляды Достоевского»), Андрей Белый («Достоевский и Толстой»), П. А. Сорокин («Достоевский как социолог»), А. Л. Волынский («Верования Достоевского»), А. А. Чебышев-Дмитриев («Самоистребители и Достоевский»), Р. В. Иванов-Разумник («Достоевский и революция») и др.⁶ Хроника мероприятий, прошедших в Петербурге в связи с юбилеем и сорокалетием кончины Ф. М. Достоевского, достаточно подробно изложена в посвященной ему Однодневной газете Русского библиологического общества⁷.

Юбилейные мероприятия прошли в Омске — городе, сыгравшем большую роль в судьбе Ф. М. Достоевского. Вечер его памяти состоялся в клубе военно-учебных заведений; прочитанный там доклад представителя литературной секции Губполитпросвета был повторен на литературном утре в зале партийного дома; после этого профессор Г. В. Круссер выступил с речью, где творчество писателя рассматривалось с марксистской точки зрения. На следующий день в библиотеке имени Ф. М. Достоевского открылась библиографическая выставка⁸.

Региональные издания сообщали о торжественных заседаниях в ноябре 1921 г. в ряде высших учебных заведений⁹. Теплые слова в адрес Ф. М. Достоевского прозвучали из уст поэта Н. С. Власова-Окского, посвятившего ему очерк в журнале «Известия Тверского губсоюза»:

«...мученик в жизни, искатель правды, любви и добра <...>. Своими произведениями, как и собственной высокопоучительной жизнью, Федор Михайлович внушил людям святую мысль о том, как чутко нужно подходить

к душе человека, как бережно следует обращаться с нашим ближним, как надлежит покорять сердца других братскою любовью...»¹⁰.

«Несмотря на трудные условия издания, русская печать отметила юбилей Достоевского», — писала Однодневная газета Русского библиологического общества, сообщая о новых книгах¹¹. В 1921 г. было выпущено не так много посвященных Ф. М. Достоевскому изданий: в частности, в Петрограде вышли сборники «Пушкин. Достоевский» с речами А. Г. Горнфельда и А. М. Ремизова по случаю 40-летия кончины писателя¹², «Достоевский и Пушкин»¹³ (переиздание знаменитой речи, по мнению Л. П. Гроссмана, сделанное наспех¹⁴), а также критическое исследование Ю. Н. Тынянова [Тынянов]. Готовилась к печати книга «Ф. М. Достоевский: статьи и материалы» под редакцией А. С. Долинина [Долинин]. Наиболее значимым в научном плане изданием юбилейного года был вышедший в Одессе сборник под редакцией Л. П. Гроссмана [Гроссман]; исследования, основанные на новых источниках, увидели свет несколько позднее.

Юбилей Ф. М. Достоевского вызвал литературный отклик за границей. Были осуществлены новые переводы на европейские языки [Гроссман: 121]. В софийском русско-болгарском издательстве в 1921 г. вышли следующие труды: «Тургенев и Достоевский. История одной вражды» Ю. А. Никольского¹⁵ и «Словарь к творениям Достоевского» митрополита Антония (Храповицкого)¹⁶. «Вестник литературы» публиковал сообщения о выходе книг на иностранных языках, в частности, «критико-психологического этюда» о Ф. М. Достоевском, написанного сербским профессором Я. Лавриным¹⁷ (речь идет об исследовании «Dostoevsky and His Creation: a psycho-critical study»¹⁸), «Этюд о богоборчестве» доктора Д. Прохаски¹⁹ (по всей вероятности, имеется в виду «Fjodor Mihajlović Dostojevski. Studija o sveslavenskom čovjeku»²⁰) и книги Цвейга²¹ (по-видимому, «Drei Meister: Balzac — Dickens — Dostojewski» С. Цвейга²²).

Историк Ч. Ветринский свидетельствовал о росте интереса к Ф. М. Достоевскому после юбилейных мероприятий, признавая при этом, что исследователям жизни и творчества писателя предстоит сделать еще очень многое²³. Итоги юбилейного года в январе 1922 г. попытался подвести редактор «Вестника литературы» Д. А. Лутохин; в его тексте слышны пессимистичные ноты:

«Эти юбилейные дни уже прошли и теперь, подводя им итоги, следует заметить, что внешне юбилей был отпразднован прилично. <...> То, что мы предсказывали в упомянутой нашей заметке — нарастание интереса широких читательских масс к творчеству Достоевского, теперь несомненно уже наблюдается. Но, как все в наши печальные дни, и юбилейный пафос, и прочный интерес к Достоевскому страдают какими-то худосочием и недоговоренностью. Выделяется своим интересным содержанием сборник, выпущенный в Одессе Л. П. Гроссманом. Прежде всего, радуешься, что даже

провинция, отрезанная от архивов, смогла откликнуться на юбилей таким изданием. <...> Между тем, в разбираемом сборнике этого “нового Достоевского” очень мало — всего 17 страничек, правда, интересных, но не характерных. <...> В общем, сборник “Творчество Достоевского” все же лучшее, что дали его поминки, но обидно, что дано немного. И опять мы принуждены указать на необходимость организовать общество изучения Достоевского. Ту же мысль независимо от нас высказал и А. Ф. Кони. Что же задерживает ее осуществление?»²⁴

Нужен ли Ф. М. Достоевский советскому государству?

4 января 1921 г. М. Горький, в свое время назвавший Ф. М. Достоевского «злым гением»²⁵, на вечере в «Доме Искусств» рассуждал о положении русской литературы:

«У нас, несмотря на выдающийся талант писателя, его читает всегда одна часть людей: социалиста — социалисты, консерватора — консерваторы, либерала — либералы, тогда как на Западе талантливого писателя читают все политические партии, считаясь, прежде всего, с талантом и забывая о партийном ярлыке, — передает содержание его речи “Вестник литературы”. — У нас наоборот: у нас предан забвению Ф. М. Достоевский»²⁶.

Та же печальная мысль звучит в статье А. Редько «Судьбы русской литературы»: в Германии «сейчас жадно читают таких русских писателей, которые у себя на родине мало читаются или даже совсем не читаются, как славянофилы...»²⁷.

На самом деле, проблема очень глубока: вопрос стоял не просто о чтении тех или иных писателей, а о существовании духовной культуры, о бытии самого народа.

По мнению А. Редько, в свете революционных событий опасения за будущее русской литературы и за само существование интеллигенции «далеко не иллюзорны»²⁸.

Строки, напечатанные в декабре 1921 г., приобретают характер мрачного пророчества в ходе дальнейших исторических событий, когда советское государство стало целенаправленно избавляться от интеллигенции:

«Другие опасаются большего. Русская художественная литература вымрет, потому что вымирает русская интеллигенция, потому что слабеет и уменьшается тот ничтожный тоненький слой общества, который выносил в своей душе основы русской духовной культуры, создал литературные идеалы, выдвинул Достоевского и Льва Толстого...»²⁹.

Надежду на возрождение русской культуры А. Редько также связывал с именами Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого:

«Будем верить, что русская культура не прервется; что русская интеллигенция, подарившая тысячелетнему культурному миру Достоевского и Толстого, не иссякнет, что она вынесет все доставшееся ей на долю — в исторически сложившихся судьбах современности <...>. Будем верить в недоказуемое — пока»³⁰.

Неудивительно, что предоставляющие слово петербургской интеллигенции «Вестник литературы» и его бывший автономный отдел «Летопись Дома Литераторов», с ноября 1921 г. ставший самостоятельным изданием, порой раздражали коммунистов. Остроуму на язык поэту-футуристу, автору рецензий в «Красной нови», органе Главполитпросвета, С. П. Боброву эти журналы казались «несколько невыносимыми» из-за присущего им «тона осторожного и только чуточку зловещего нытья»³¹.

Празднование в социалистическом государстве столетия Ф. М. Достоевского — сторонника православия и самодержавия — требовало разъяснений. Весной 1921 г., когда уже была отмечена годовщина смерти автора «Братьев Карамазовых», основатель и первый редактор «Вестника литературы» А. Е. Кауфман ответил одному «недоумевающему читателю» статьей «Апофеоз Достоевского», в которой дал совет «читать и перечитывать» сочинения писателя:

«Достоевского нельзя судить по отдельным его произведениям и публицистическим выступлениям. Его надо взять целиком. Достоевский не был умственным вождем и политиком. Он был, прежде всего, выдающийся писатель-романист и большой психолог-сердцевед»³².

Посвященная Ф. М. Достоевскому редакционная статья в «Летописи Дома Литераторов» начинается со слов о его бессмертии:

«В радостном воспоминании о том, что сто лет тому назад родился в России Достоевский, нет ни тени этого дыхания смерти, нет поминания усопшего, нет дани истории: есть лишь захватывающее ощущение жизни вечной, ощущение беспредельного становления. Рождением великих людей была богата треть века, давшая Пушкина и Толстого, но без преувеличения можно сказать: из художников и мыслителей, которых мы присоединяем к сверстникам Достоевского, никто в наши дни не может считаться живым в такой степени, как Достоевский. Художественные образы, созданные им, становятся все содержательнее и необходимее, вопросы жизни и духа, поставленные им, становясь все насущнее, решаются в формах, данных им...»³³.

Восхищение писателем соседствовало с убеждением в необходимости осторожного подхода к нему. Автор предостерегал от возвеличивания Ф. М. Достоевского и выражал пожелание, чтобы «теперь, когда явно открывается новая полоса его понимания», он был для русских людей «руководителем, но не кумиром, учителем мысли, но не пророком»:

«Да, в эти дни торжественного величания Достоевского живого, Достоевского бессмертного, надо твердо сказать: великим этапом в углублении мысли, великим периодом в очеловечении человечества должен быть Достоевский, но попранием его завета, устранением его благотворности было бы сосредоточение на нем одном, приятие его как единого всевластного учителя жизни. Надо принять Достоевского, но надо преодолеть его; надо учиться у него, надо усвоить его методы, надо оценить — и нет возможности оценить выше меры — то, что он открыл в нашей жизни, в нашем духе, но нельзя воспринять это без разбора, как вековую истину, как путь жизни. И это не только потому, что нет непреходящих истин, что истина только в преодолении понятого и усвоенного, но и потому, что Достоевский — живой человек, великий, но ни в мысли, ни в чувствах, ни в деяниях не безгрешный и даже с той “заминкой”, которую отметил в нем Лев Толстой. <...> Возвеличить Достоевского сверх меры в наших русских условиях значит отказать от углубления в него, тогда как именно его величие повелительно требует иного отношения»³⁴.

О «преодолении Достоевского», вкладывая в это свой смысл, говорили многие критики и философы (В. П. Крайнефельд в 1911 г.³⁵, Н. А. Бердяев в 1917 г.³⁶). Литературный критик Ю. И. Айхенвальд завершил статью «Памяти Достоевского» в московском альманахе «Новая жизнь» (1922 г.) следующими словами:

«Достоевский себя не преодолел, но другим он оставил завет: преодолеть в себе Достоевского. <...> он — трагическая категория духа, которой миновать нельзя и которая в большей или меньшей степени обязательна для каждого. Через Достоевского, но к Пушкину, к Толстому — такова магистраль духовного пути, который проложила русская литература для русского читателя»³⁷.

По мнению Ю. И. Айхенвальда, Ф. М. Достоевский — это «Иван Грозный русской литературы», порой «принимающий облик писателя-дьявола»³⁸. Критик и прежде не скупился на подобные суждения об авторе «Братьев Карамазовых».

Незадолго до юбилея Ю. И. Айхенвальд сделал категорическое заявление:

«...нам, гражданам социалистического отечества, с Достоевским не по пути, что нашей республике не подобает славить годовщину его рождения и что необходимо сделать выбор между Достоевским и ею, республикой этой»³⁹.

Заметим, что Ю. И. Айхенвальд не являлся сторонником советской власти. «Как некий колдун, Достоевский наворожил России революцию»,⁴⁰ — это мнение он высказал еще под влиянием событий 1905 г. (новые статьи

отчасти дублировали его ранние тексты⁴¹). В 1922 г. критик был выслан из страны: не любивший Ф. М. Достоевского Ю. И. Айхенвальд разделил судьбу исследователей религиозных мотивов в творчестве писателя [Захаров, 2021: 9].

Статья, вышедшая в «Вестнике литературы» под заголовком «Особое мнение», вызвала оживленную полемику. А. Е. Кауфман предварил публикацию собственным текстом, в котором он почти дословно цитировал свой «Апофеоз Достоевского»:

«Не все согласятся с проф. Айхенвальдом, но нельзя не считаться со взглядами талантливого критика и авторитетного историка нашей литературы <...>. Вот почему мы даем ниже место “особому мнению”...»⁴².

Критически отозвался о статье П. И. Новицкий:

«Это усердие неопита не основано даже на той продуманности, которой блистают строки о Достоевском того же Айхенвальда в “Силуэтах русских писателей”»⁴³.

Критик Н. Н. Фатов отметил, что «истинный смысл» слов Ю. И. Айхенвальда «некоторыми понят не так, как следовало», и посвятил статью в декабрьском выпуске «Вестника литературы» установлению «правильного взгляда на Достоевского и его воззрения». По его словам, произведения писателя «во многом *революционны*»: у него «немало и сознательных протестов против “существующего строя”, начиная с “либеральных” мыслей Макара Девушкина о богатых и бедных, кончая кошмарным бытом “карамазовщины”», а беспристрастное изображение быта прошлого столетия само по себе «является прекрасной *против него агитацией*»⁴⁴. Н. Н. Фатов напомнил читателям о том, что Достоевский — «величайший психолог и один из крупнейших наших писателей-философов», «великий художник слова»:

«Мы, граждане социалистического отечества, можем лишь гордиться тем, что у нас был Достоевский, не можем не ценить того, что он давал и дает нам ценного для наших идей, а к тому, что в Достоевском было темного, в чем он ошибался, мы должны отнестись, как к *историческому факту, беспристрастно*, вина за это не *страдальца-писателя*, а те условия, в которых он творил, и тот *политический и социальный строй*, в котором он жил»⁴⁵.

Ф. М. Достоевский в свете социалистического учения

В юбилейный год все чаще возникал неоднозначный вопрос: как советскому человеку следует относиться к Ф. М. Достоевскому? Попытки поновому осмыслить наследие писателя и определить его роль в прошлом и настоящем России запечатлены на страницах советской прессы; зачастую

эти рассуждения очень поверхностны, а сами тексты проникнуты идеями, типичными для социалистического сознания.

Размышляя над этими вопросами, литератор, в прошлом участник революционного движения, С. Д. Мстиславский на страницах московского журнала «Экран: вестник театра, искусства, кино, спорта» писал:

«...“С ними — Великими Прошлого — или против них”? Вопрос этот ныне ставится по отношению к Достоевскому, одному из сильнейших “стариков” наших, которому убьют, поколение за поколением, воздавать честь без раздумья, воздавать “на ощущение его силы”, сказал бы я, а не за самую силу»⁴⁶.

Ф. М. Достоевский, по его словам, писатель «для немногих. Воистину для немногих. Ибо, творчество его, как раскрытый, до последних тайн, до последнего обнажения, морг»⁴⁷.

В некоторых пунктах идеи Ф. М. Достоевского близки советским идеалам:

«Этой глубинной, страстной, истинной любовью к человеку, к личности его, прежде всего и вечен, и близок нам Достоевский <...>. И верным провидится ему ответ: <...> счастье станет возможно лишь тогда, когда во всемирном братстве побратаются люди, когда счастьем одного будет утверждаться счастье других, и счастье одного — счастьем всех»⁴⁸.

Цитатой из «Братьев Карамазовых» («...жизнь есть рай, и все мы в раю...») С. Д. Мстиславский подтверждал мысль о том, что способ достижения счастья — изменение самого человека, и в этом обнаруживал сходство с Ф. М. Достоевским, но тут же опровергал дальнейшую связь:

«Эта идея внутреннего преобразования человека, есть руководящая идея сегодняшнего дня, сегодняшней революционной нашей борьбы. И здесь высшая точка, предельная грань нашей близости, нашей связи с Достоевским. За гранью этой резко обрывается связь. Ибо, правильно поставив вопрос и правильно наметив решение, Достоевский в бессилии опускает руки именно там, где мы начинаем делание. Сказался гипноз морга, от сознания “виновности”, виновности “всех перед всеми” идет Достоевский на разрешение великой задачи преобразования человека»⁴⁹.

Автор упрекал Ф. М. Достоевского в том, что тот отрекся от «творчества жизни», от ее «действенного преобразования» и встал на путь религии. Заглавие статьи — «Записки из Мертвого Дома» — метафора смерти отживших, по мнению С. Д. Мстиславского, взглядов писателя. Исходя из современной ему действительности, он делает поспешный вывод:

«...мертва для нас проповедь Достоевского. И самые книги его, в ранящие, кровоточащие строки которых, так напряженно, так жадно всматривается

ум, остаются, несмотря на созвучность исканий наших, — “Записками из Мертвого Дома”. Такими будут они для грядущих поколений»⁵⁰.

Статью о Ф. М. Достоевском для журнала Наркомпроса РСФСР «Народное просвещение» написал критик В. М. Фриче, в 1922 г. возглавивший Институт языка и литературы Академии наук. Он полагал, что рабочей демократии учиться у героев писателя «собственно — нечему», потому что его творчество органически связано с «группой обособленных мещан-пауперов». В. М. Фриче признавал, что некоторые черты, свойственные Ф. М. Достоевскому (любовь к детям, сочувствие к беднякам, гуманность к преступникам), близки советскому обществу, но статью о писателе «ему вразрез, ему наперекор» завершил лозунгом:

«Да здравствует социализм и классовая борьба рабочей демократии за счастье человечества»⁵¹.

Протест против мистического ореола вокруг Ф. М. Достоевского звучал на страницах журнала «Красная новь».

В рецензии «Кони о Некрасове и Достоевском» С. П. Бобров восклицал:

«Но, дорогие друзья, что же мы себе сделали из этого писателя, который так или не так, а входит в ряд наших первоклассных писателей? Из этого скромного в общей сложности человека <...> Достоевский превращается в какую-то реинкарнацию Магомета в великую мистическую величину»⁵².

Негативно окрашенные характеристики в период юбилея встречались в некоторых украинских изданиях. Так, в харьковской газете «Коммунист» была опубликована статья о Ф. М. Достоевском «Памяти великого врага»⁵³, автором которой является В. С. Рожицын. Он специализировался на антирелигиозной пропаганде, издал множество брошюр на эту тему, за счет чего получил известность, и после переезда в Москву работал в Центральном антирелигиозном музее [Шахнович]. В 1922 г. в литературном журнале «Зори грядущего», издававшемся в Харькове секцией пролетарских писателей Всеукраинкома, вышла публикация А. М. Лейтеса «Достоевский в свете революции»⁵⁴, где фигурировало понятие «Достоевщина», которое он писал с прописной буквы. Это одна из дебютных работ молодого критика. Ф. М. Достоевский в его понимании — «подпольный человек», протестующий против мировой гармонии, возводящий страдание в культ и потому отказывающийся от социалистической идеологии:

«Достоевский только потому больше всех достоин называться “человеком ада”, что, как художник, в жизни он видел только ад, и, главное, *кроме ада ничего в жизни видеть не хотел*. И Данте рисовал нам свой фантастический ад, но он же нарисовал нам (пусть менее удачно) и свой фантастический рай <...>. Достоевский не хочет рая. Он бунтует, он с пеной у рта протестует

против рая, он отбрыкивается от рая-социализма и руками и ногами. <...> Герои Достоевского не только не мечтают об избавлении от ада, но над этой мечтой о счастье, о рае больше всего издеваются, больше всего эту мечту не любят. Ибо какая-то новая, странная и страшная философия родилась у них — в Подполье. <...> И вот почему Достоевский так ненасытно и так прямолинейно враждебен социализму, ибо социализм — религия радости...»⁵⁵.

А. М. Лейтес разработал собственную концепцию «Достоевщины»: это «самая глубокая психология пессимизма», «любопытная философия последнего отчаяния»⁵⁶. «Но все же никогда и нигде мы не встречали такого абсурдного, странного и страшного решения вопроса... В чем смысл жизни? спрашивает Достоевщина. И отвечает: смысл жизни в страдании»⁵⁷, — писал А. М. Лейтес⁵⁸. «Страдание и порок» — это «то главное, что дает право на жизнь всем героям Достоевщины»⁵⁹. По убеждению автора, «Достоевщина» — это порождение буржуазной эпохи, оказавшее огромное влияние на литературу:

«...в последний период буржуазного господства существуют не только противоречия в экономических отношениях <...>; существуют мучительные, раздирающие противоречия и в душе человека, живущего в этот период, что не менее великолепно показали нам образы Достоевщины. <...> И недаром вся последняя декадентская литература, как мы уже только что упоминали, находится под исключительным знаком Достоевщины»⁶⁰.

Вплоть до 1920-х гг. представления о Ф. М. Достоевском как о «злом гении» и враге революции были «хотя и характерным, но частным мнением, иногда партийной, но еще не государственной позицией» [Захаров, 1991: 147]. На торжественном вечере в честь столетия писателя в ноябре 1921 г. нарком просвещения А. В. Луначарский предпочел провозгласить бывшего участника кружка петрашевцев социалистом и революционером⁶¹, нежели объявить его врагом. «Если бы Достоевский воскрес, он, конечно, нашел бы достаточно правдивых и достаточно ярких красок, чтобы дать нам почувствовать всю необходимость совершаемого нами подвига...»⁶², — кощунствовал нарком. Спустя десять лет А. В. Луначарский в корне переосмыслил свою речь, отказался от прежнего понимания Ф. М. Достоевского как пророка и заявил, что попасть под влияние этого писателя «стыдно» и «общественно негигиенично»⁶³. Пока же в советской печати часто предпринимались попытки приспособить «неудобного» автора к нуждам нового государства и интерпретировать его идеи в духе революции.

Н. В. Стариков в статье о Ф. М. Достоевском, опубликованной в газете «Труд», поставил следующий вопрос:

«Казалось бы, что общего между нами, революционерами-строителями будущего, того самого “государства будущего”, против гармонии и устойчивости которого так сильно протестовал именно он, Ф. М. Достоевский, столетие со дня рождения которого мы сегодня празднуем — и им?»⁶⁴.

Он выразил убеждение, что писатель косвенно принимал участие в революции, а его крупнейшие произведения были «прозорливым чувствованием грядущего обвала господствующих классов России, начавшегося в феврале 1917 г.»:

«Достоевский разрушал мировоззрение старой России и потому косвенно участвовал и подготавливал великую экономическую и духовную революцию, каковые соединил в себе Октябрь. Он делал это половинчато <...>, метался, искал, мучился. Многими чертами своими он примыкал к великой работе Революции вообще и октябрьской — по преимуществу, почти всегда не отдавая себе в этом ясного отчета. Мы можем праздновать столетие со дня рождения Ф. М. Достоевского, человека, ошибки которого были “ошибками” действительного, мучительного искания справедливых отношений между людьми и разумности жизни. Он не любил революцию, но многое сделал для нее»⁶⁵.

Искусствовед П. И. Новицкий, сотрудник крымского Наркомпроса, посвятил статью в симферопольском сборнике «Помощь» теме «Достоевский и революция». Он видел в творчестве писателя, которого называл «великим безумцем, галлюцинантом, провидцем, пророком», близкие социализму этические идеалы (преодоление индивидуализма, братство, т. е. коллективизм)⁶⁶. По его словам, «Достоевский — не проповедник смирения, а постоянный возбудитель бунта», «непримиримый враг устроенности и успокоенности»⁶⁷. Новицкий писал:

«Достоевский — ожесточенный враг революции. <...> И все-таки социалистическая революция должна принять Достоевского. Он был ее великим пророком, предтечей и провозвестником. <...> *Стихия Достоевского и стихия русской революции — одно.* <...> Русскую революцию сделали “бедные люди” Достоевского, накопившие озлобление, месть, горечь, жестокость и отчаяние <...>. Кто этого не видит, тот ничего не понимает в русской революции»⁶⁸.

Интересная концепция содержится в статье с тем же названием критика-марксиста В. Ф. Переверзева:

«В дни революции Достоевского следует вспомнить не только ради столетнего юбилея, но и ради самой революции, ради революционного самопознания»⁶⁹.

По мнению автора, «все сбылось по Достоевскому»: он больше других знал о революции, понимал ее механику, и у него «многому можно научиться»⁷⁰. В тот момент статья, вышедшая в журнале «Печать и революция», была встречена положительно⁷¹, но в результате дискуссии 1929 — 1930 гг. В. Ф. Переверзев был обвинен в меньшевизме, его литературоведческая школа была разгромлена.

В статье Э. Ф. Голлербаха, которая была опубликована в газете «Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов» к сорокалетию смерти Ф. М. Достоевского, высказанные в «Пушкинской речи» мысли о всемирности и всечеловечности связывались с идеями социализма; заметен намек на мировую пролетарскую революцию:

«Тысячу раз прав был Достоевский, определяя главное свойство русской интеллигенции, как всечеловечность. <...> Социализм всегда пленял ее именно идеей всечеловечности, своим упорным отвращением к национализму. <...> Революционная современность убеждает нас, что тысячу раз прав был Достоевский, утверждая, что “назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное”. Стать настоящим русским, стать вполне русским значит стать братом всех людей, всечеловеком. Пророк русской революции, Достоевский понимал, что славянофильство и западничество есть великое недоразумение, хотя исторически и необходимое, — недоразумение потому, что “...наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей”. Эта мечта, этот завет, это пророчество Достоевского обязана воплотить в жизнь современная Россия. И к этому она стремится»⁷².

В статье А. Зарина «Два юбилея», посвященной Ф. М. Достоевскому и Н. А. Некрасову и опубликованной в журнале «Красный командир», автору «Бесов» приписывалось пророчество о том, что русский народ принесет в мир социализм, который якобы «очистит и объединит все народы»⁷³. Так Зарин толковал слова Шатова о народе-богоносце, совершенно искажая смысл, вложенный в них Ф. М. Достоевским:

«Достоевский звал русский народ “богоносцем” и постоянно твердил, что наш народ принесет в мир бога и очистит людей от всей пошлости и грязи, в которой они погрязли. И мы сейчас видим, что предсказания великого писателя оправдываются»⁷⁴.

Начальник пропагандистского отдела политуправления Петроградского военного округа, критик Г. Е. Горбачев в своем докладе высказал мнение, что «революционным трудовым массам» нужно учиться читать Ф. М. Достоевского «по-своему»: изучение его творчества дает «доказательство от противного» правоты революционной идеологии, «разоблачая враждебные ей учения» и «освещая их социальные корни»⁷⁵.

Он был убежден:

«...приступив с такой точки зрения к Достоевскому, мы найдем у него: воодушевленный протест против сословно-крепостнического строя и против буржуазного “правопорядка”; глубокую любовь и доверие к силе и правде народных масс; горячую веру в тот же идеал всечеловеческого братства, что одушевляет и нас, и тот высокий пафос трагического героизма, который так нам нужен сейчас»⁷⁶.

Писатель «сходится с нами в критике утопизма, революционного авантюризма, индивидуализма, в тоске по строю братства и любви и представляет собою и своими героями величавую трагедию великого духа, задыхающегося <...> под гнетом безобразного строя неравенства»⁷⁷, — считал Г. Е. Горбачев.

Газета художественного отдела Петрогубполитпросвета «Жизнь искусства» назвала Ф. М. Достоевского «лучшим учителем для зрителя-пролетария»:

«Ряд величайших образов, памятников былой социальной несправедливости, засилия имущих, вакханалии капитала — глядят на нас со страниц его произведений»⁷⁸.

В газете Петроградского губкома РКП «Петроградская правда» высказывалась мысль о необходимости издания книги о Ф. М. Достоевском для народа, которая содержала бы ясную концепцию его творчества:

«Хотелось бы простой, но понятной народу книги, где разъяснялось бы, как этот гениальный каторжник, сам страдавший всю жизнь за народ, дошел до таких произведений, как “Бесы”. <...> Издать же такую книгу нужно еще и потому, что сочинения Достоевского читаются в наших коммунистических школах, как читаются и те сочинения, где Достоевский выдается за пророка русской... метафизической революции»⁷⁹.

В том же издании вышла статья «Печальник чердака и подвала», написанная инициалами Л. Н., за которыми, по мнению С. В. Белова, скрывается историк литературы Н. О. Лернер [Белов: 147]). Автор публикации поднял непростой вопрос: «Чей же Достоевский? “Их” или “наш”?». В отличие от многих современников, он не считал нужным винить Ф. М. Достоевского за его воззрения, полагая, что некоторые его идеи могли бы превратиться в «грозный вызов», если бы писатель прожил несколько дольше. Автор подчеркивал социальную значимость творчества Ф. М. Достоевского и выражал сожаление о том, что простые люди мало знают его:

«“Простец” мало знает Достоевского, что греха таить. Он кажется уже с первого взгляда страшно скучен, темен, многословен. <...> Ошибка, большая, тяжелая ошибка. Достоевского нужно читать, нужно знать именно людям, знающим на своем опыте, что такое безысходная, тягучая беднота <...>».

Нельзя никоим образом забывать того приветствия, которым бессмертный критик Белинский встретил первое произведение Достоевского <...>. Теперь, когда в России униженные перестали быть таковыми, оскорбленные смели с лица земли своих оскорбителей, — “бедные люди” российской действительности должны с особым уважением почтить своего давно ушедшего в могилу защитника»⁸⁰.

Советская пресса достаточно часто говорила о Ф. М. Достоевском как о заступнике «униженных и оскорбленных», при этом, как правило, делалась оговорка о размежевании во взглядах.

Об этом шла речь в редакционной статье, опубликованной в «Московском печатнике» — приложении к журналу «Всероссийский печатник»:

«Мы отказываемся принять мировоззрение Достоевского — преодолеем его и укрепимся в вере своей в великие нравственные основы мирового движения рабочих масс. И вместе с тем, читая его, мы закрепим в себе чувство любви ко всем страждущим и угнетенным. И этим сотворим в сердце своем достойный памятник великому певцу страданий человеческих»⁸¹.

Газета Политуправления Московского военного округа «Красный воин» посвятила юбилею писателя сразу несколько публикаций. Н. Солодовников отмечал любовь Достоевского к человеку, глубокое понимание души, идею очищения через страдание. Он подчеркивал, что на отношение к писателю не должны влиять его убеждения:

«...его нельзя вычеркнуть из списка тех, кому революционная Россия должна поставить памятник. Достоевским всегда руководило одно только чувство — любовь к человечеству, любовь ко всем униженным и оскорбленным, ко всем измученным и страдающим, ищущим вечной правды. <...> И вот это-то искание правды <...> делает его писателем, нам близким, родным и незабываемым»⁸².

Писателя «по праву называют пророком русской революции», — считал Д. Пленов. Он отмечал: «Всякому сознательному человеку, в том числе красному воину, имя Достоевского должно быть известно»⁸³. Как и Н. Солодовников, он высказал мысль об увековечении его памяти:

«Надлежащую оценку может дать лишь наше время, современный революционный читатель, который по-своему прочтет Достоевского и поймет, чем болела его душа. Достоевский еще ждет своего памятника от “униженных и оскорбленных”, так как присвоение Мариинской больницы его имени — слабая отметка заслуг гениального сердцеведа»⁸⁴.

На той же странице было опубликовано посвященное Ф. М. Достоевскому стихотворение некоего Лаптева. Тот факт, что писатель был осужден

царским правительством за участие в кружке петрашевцев и сослан на каторгу, делал его близким сознанию революционеров и использовался для того, чтобы заявить, что он на их стороне. Стихотворение представляет собой характерный образец социалистической оды. Приводим его целиком.

Тебе нашему
(к 100-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского)

Ты не знал, да и знать откуда
В дни кнута, эшафота, плетей,
Что свершится однажды чудо
На просторах России твоей.

Что однажды над Русью сонной
Прогудит семнадцатый год,
Что “униженный и оскобленный”
“Мертвый дом” твой навек сметет...

Если-б жил ты, — ты был-бы с нами...
Не пылало-ль в душе твоей пламя,
Не пылало-ль в душе твоей пламя,
Как погнали тебя в Сибирь?!

Или раньше — тогда — вначале
Не сжимались твои кулаки,
Как на близких твоих надевали
Ожерелья из царской пеньки?!

Да, ты наш, — брат рабочего люда,
Свет, зажженный тобой, не погас,
Ты не знал, что свершится чудо,
Но я знаю, ты верил в нас⁸⁵.

Религиозно-философские трактовки

В 1921 году в публикациях о Ф. М. Достоевском в периодике уже преобладали социалистические мотивы, однако в это время еще сохранялась возможность высказывать иные взгляды. Центром независимой печати (самоназвание — неп) стал потерявший статус столицы Петроград, где концентрировалась инакомыслящая интеллигенция [Жирков]. В 1922 году виднейшие из ее представителей были высланы из страны, но пока они еще выступали с речами и публиковали свои работы. В это время возник ряд новых религиозно-философских интерпретаций творчества Ф. М. Достоевского. Несколько текстов появились на страницах петроградского журнала кооператоров «Артельное дело», издававшегося «Артельтрудсоюзом», благодаря новому редактору — В. С. Миролюбову. Сын священника, бывший

оперный певец, увлекавшийся религиозной философией и имевший большой опыт редакторской деятельности, привлек к сотрудничеству в журнале известных ученых-гуманитариев [Шилов]. К юбилею Ф. М. Достоевского в «Артельном деле» вышли публикации трех профессоров Петроградского университета. Социолог П. А. Сорокин, через год навсегда покинувший страну, в статье «Заветы Достоевского» писал об указанном писателем «пути религиозно-нравственной деятельной любви» и о том, что без внутреннего совершенствования человека не поможет изменение общественного строя⁸⁶. Один из основателей Санкт-Петербургского религиозно-философского общества С. А. Аскольдов высказал мнение, что произведения писателя утверждают моральные нормы, давая пережить опыт нарушения нравственного закона, а также указал на евангельские мотивы в его творчестве — притчу о блудном сыне и эпизод прощения Христом грешницы⁸⁷.

Философ и историк-медиевист Л. П. Карсавин в небольшом очерке о Ф. М. Достоевском⁸⁸ выдвинул ряд идей, которые позже будут развиты в его собственной философии [Резниченко]; этот текст отчасти перекликается с его статьей «Федор Павлович Карамазов как идеолог любви», где он напомнил о призыве старца Зосимы любить человека и во грехе его⁸⁹. Эта работа была опубликована в первом выпуске журнала «Начала», издававшимся в Петрограде двумя членами Российской академии наук — востоковедом С. Ф. Ольденбургом и историком С. Ф. Платоновым, а также филологом Э. Л. Радловым и А. С. Николаевым.

Ф. М. Достоевскому, помимо статьи Л. П. Карсавина, был посвящен художественный текст историка литературы, первого директора Пушкинского Дома Н. А. Котляревского «Тихая ночь», где автор стремился воссоздать размышления писателя о Боге, о любви к ближнему, о России, о русском народе⁹⁰.

В разделе «Хроника. Из интеллектуальной жизни Запада» был затронут вопрос о «культе Достоевского» в среде немецкой интеллигенции того времени. Исследователь западноевропейского музыкального искусства Е. М. Браудо высказал мысль о том, что немцам недостает «мистической глубины» русского писателя:

«...своего апогея это увлечение русским искусством достигло в том подлинном культе Достоевского, который охватил сейчас немецкие круги различных направлений и различной политической ориентации. Достоевский сейчас самый влиятельный писатель в немецкой литературе. Одни ищут в его произведениях разгадки и предреказаний той грандиозной социальной революции, которая произошла сейчас в России, другие, более глубоко понимающие русскую жизнь, видят в нем поэта всечеловечества, рядом с которым Ибсен производит впечатление узкого доктринера, а Золя — устарелого романиста. Как народному организму, немцам совершенно недостает той мистической глубины, того религиозного сознания, вольное воплощение которого дал Достоевский»⁹¹.

Первый выпуск журнала «Начала» получил негативную оценку в «Петроградской правде»: историк революционного движения М. К. Лемке в рецензии с говорящим названием «Концы, а не начала» критиковал издание за религиозную направленность и сетовал на «повальное интеллигентское поправление»⁹². Сотрудник «Красной нови» С. П. Бобров в целом отозвался о журнале положительно, но дал невысокую оценку некоторым материалам: «лирика» Н. А. Котляревского, по его мнению, «недорогого стоит», а статья Л. П. Карсавина «ставит себе любопытную психологическую задачу, но разрешает (или пробует разрешать) ее в весьма приподнятом, манерном и аффектированном стиле»⁹³. Уже в 1922 г. журнал прекратил свое существование.

Поэтика Ф. М. Достоевского

В свете идеологических споров порой уходила на второй план художественная сторона творчества писателей. Этой проблеме посвящена статья Вс. Архангельского «Политик и поэт» в саратовском журнале «Саррабис», органе местного отдела Всероссийского Союза работников искусств. Автор призывал не осуждать за «политические грехи» рожденных в один год «последних трубадуров дворянской культуры» — Ф. М. Достоевского, А. Н. Майкова и Н. А. Некрасова, указывая на их принадлежность к переходной эпохе: их «господствующий импульс — художественный», и «мы чтим их именно за поэтические предвидения»⁹⁴.

Автор цитировавшейся выше статьи о Ф. М. Достоевском в журнале «Летопись Дома Литераторов» удивлялся необыкновенному своеобразию художественного мира писателя, его самобытности:

«...внутренним видением как бы исчерпывается мир Достоевского. С новым недоумением останавливаемся мы неизменно пред всяким его образом, и, даже проделав путь историко-литературного исследования, всякий раз спрашиваем себя: откуда он это взял, откуда это к нему, откуда это к нам? И не можем, не решаемся сказать себе, откуда Достоевский взял Неточку Незванову, Парфена Рогожина, Ивана Карамазова, откуда Россия в половине прошлого века взяла Достоевского — эту неразгаданнейшую из тайн русского существа, это необычайнейшее из чудес русского творчества»⁹⁵.

Критик, переводчик Н. П. Вишняков, составивший обзор русской критической мысли о Ф. М. Достоевском для газеты «Жизнь искусства», назвал писателя «великим ночным светилом»:

«Пушкина издавна называют солнцем русской поэзии. Достоевского один из позднейших критиков (Ю. Айхенвальд) сравнивает с “ночью русской литературы”, ночью, “полною тягостных призраков и сумбурных видений”. Может быть, лучше уподобить нашего великого, ныне вспоминаемого писателя грандиозной, величественной комете, озаряющей мрачным блеском эту ночь, поражающей воображение и глубоко волнующей мысль и чувство.

И если при солнечном сиянии легко разобратся, обрести душевную гармонию, найти мир и успокоение, то совсем не то при страшном свете ночного необычного, грозящего гибелью, “беззаконного светила”⁹⁶.

И. Игнатов, автор статьи о Ф. М. Достоевском в Энциклопедическом словаре Русского библиографического института «Гранат», переизданном в 1922 г., противоположность мнений о писателе объяснял тем, что тот «за-трагивает разных читателей разными чертами своего изображения, в каждом терзая наиболее болезненную сторону души»; в этом же состоит и «причина жизненности его творчества»⁹⁷. О художественном стиле Ф. М. Достоевского он отзывался так:

«Нервный, часто неправильный, оригинальный язык Достоевского» придает изложению особенную страстность, а нагромождение событий, казавшееся некоторым критикам грехом против художественности, гармонирует с тем хаотическим состоянием, в котором находится душа большинства действующих лиц»⁹⁸.

Еженедельник «Культура и жизнь» дал оценку графическим иллюстрациям к произведениям Ф. М. Достоевского, созданным немецкими экспрессионистами:

«Судя по воспроизведениям из этого альбома, помещенным в одном журнале, Достоевский воспринимается очень отвлеченно, в соответствии с отвлеченным складом немецкой мысли вообще и отвлеченностью нового художественного течения — в частности. Самое замечательное в Достоевском — предельная абстрактность его мысли и совершенная конкретность его образов, кровно связанных с народом и даже определенным бытом — остается, по-видимому, совершенно недоступным»⁹⁹.

Э. Ф. Голлербах в газете «Жизнь искусства» размышлял о живописных изображениях самого Ф. М. Достоевского:

«Писатель всегда как-то *похож* на свое творчество: именно *это* и должен уловить портрет. К сожалению, у нас нет ни одного портрета Достоевского, который был бы достоин его. Нет портрета, который передавал бы всю жуткую глубину этой мятежной, напряженной, исключительно-сложной души»¹⁰⁰.

Искусствовед признавал, что труд В. Г. Перова «не превзойден», но допускал возможность создания «портрета-символа»¹⁰¹, отражавшего сущность души Ф. М. Достоевского, который (по словам из другой его статьи) «сочетал в себе Рафаэлевские черты с Леонардовской раздвоенностью, с мятежностью Микель-Анджело»¹⁰².

Музыкальный критик, композитор В. Г. Каратыгин в статье о Ф. М. Достоевском и музыке пришел к выводу, что они «почти исключают друг друга» из-за его специфических отношений со временем:

«Встречали вы писателя, у которого давлением множества тесно сжатых событий, массой близко примыкающих друг к другу чувств, страстей, аффективных и волевых разрядов, время достигало бы большей зажатости, большей стремительности полета, большей “плотности”, нежели у Достоевского? <...> Музыка требует, вернее — требовала до последних дней — определенного, устойчивого метра, хотя бы и быстрого, но четко членораздельного. А у Достоевского судорога времени, вплоть до стяжения в точку, в ничто. Какой же тут возможен союз?»¹⁰³

Впрочем, сомнения у некоторых авторов вызывала не только возможность написания музыки к произведениям Ф. М. Достоевского (хотя к тому времени уже возникли первые оперы по его сюжетам [Гозенпуд: 149–151]), но и правомерность начавшегося еще ранее перенесения его героев на театральные подмостки. «Если не считать инсценировок его романов, писателя-романиста насильственно притянули к театру, используя, без ведома и санкции автора, его произведения. <...> Великий романист оказывается на сцене только посредственным драматургом и наоборот», — считал Н. Носков¹⁰⁴. Редакция газеты «Жизнь искусства» не разделяла его взгляды¹⁰⁵.

Сходные суждения звучали в Однодневной газете Русского библиологического общества. Актриса И. А. Аполлонская-Стравинская посвятила этой теме статью с красноречивым названием «Нечто об эстетических страданиях»:

«После такой операции не остается почти ничего от писателя, точно систематически вытравили его душу, перекраивая его детище. <...> Нужен гений, равный Достоевскому, чтобы из его романа создать равносильную театральную пьесу»¹⁰⁶.

Актриса предлагала своеобразное решение проблемы:

«Надо давать только “сценические иллюстрации” к известным главам и страницам романов»¹⁰⁷.

А. С. Поляков в той же газете выразил убеждение, что инсценировки произведений Ф. М. Достоевского не могут передать всего, что в них заложено автором, однако признал, что эти попытки представляют огромный интерес как для зрителей, так и для самих артистов:

«Ведь никто из русских писателей, кроме Достоевского, не задает такой трудной задачи актеру, не требует разрешения глубокой психологической загадки, целиком покоящейся на интуиции. Психология Достоевского прежде

всего психология русского человека, полного скверны и святости, непомерной гордости и самоуничужения, философа и скомороха, одним словом, смертного с «эвклидовским умом» и необъятным сердцем, не знающего границ и скользящего над бездной»¹⁰⁸.

Столетие Ф. М. Достоевского и сорокалетие его кончины, безусловно, способствовали росту интереса к писателю в советской России и вызвали волну публикаций о нем не только в литературно-художественных, но и в общественно-политических изданиях. Журналисты, критики, общественные деятели стремились определить значение всемирно известного писателя для современной им России.

Во многих советских изданиях предпринимались попытки переосмыслить идеи Ф. М. Достоевского. Апологетам нового строя весьма импонировал образ защитника «униженных и оскорбленных», с любовью и состраданием писавшего о «бедных людях» и с восторгом встреченного В. Г. Белинским, однако отношение к писателю было противоречивым. Авторы статей старались дать социалистическую интерпретацию его творчества и заявить о несогласии с его политическими и религиозными взглядами. Нередко они стремились подкрепить свои идеи авторитетом Ф. М. Достоевского — даже если его мысли ради этого приходилось исказить — и поставить талант великого писателя на службу новому государству.

Первый год нэпа дал ощущение свободы. В журналах, возникших в этот период в Петрограде, вышли немногочисленные работы о Ф. М. Достоевском, затрагивающие религиозно-философскую проблематику. Уже в начале 1922 г. началась кампания по изъятию церковных ценностей, а осенью виднейшие представители интеллигенции были высланы из страны. Отечественная журналистика начала 1920-х гг., в которой соседствовали социалистические и христианские трактовки наследия Ф. М. Достоевского, отражала двойственность своей эпохи.

Примечания

- ¹ Литературная хроника // Вестник литературы. 1921. № 3. С. 9; Я. Л. Новое о Достоевском // Вестник литературы. 1921. № 6/7. С. 9–10.
- ² Неопубликованные рукописи Достоевского // Печать и революция. 1921. № 3. С. 309; Рукописи Достоевского // Печать и революция. 1922. № 1. С. 332.
- ³ К 100-летию рождения Ф. М. Достоевского // Вестник литературы. 1921. № 10. С. 18; Памяти Ф. М. Достоевского // Экран. 1921. № 6. С. 3; Чествование памяти Достоевского // Вестник театра и искусства. 1921. № 3. С. 2.
- ⁴ Ветринский Ч. [Чешихин В. Е.] Дни Достоевского (Письмо из Москвы) // Вестник литературы. 1921. № 12. С. 9.
- ⁵ Там же; Юбилей Достоевского // Печать и революция. 1921. № 3. С. 299.
- ⁶ Там же; Кадомская А. Д., Тихонович Е. Г. Хроника // «Достоевский». Однодневная газета Русского библиологического общества. Пг., 1921., 30 октября (12 ноября). С. 32–33.
- ⁷ Там же. С. 32–34.

- 8 Ознаменованье 100-летних юбилеев Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова в Омске // Искусство (Омск). 1922. № 2. С. 120.
- 9 Неразгаданный // Красное знамя. 1921. 17 ноября; Отчет о деятельности философского общества при Донском университете за 1921 учебный год // Известия Донского государственного университета, 1921. Кн. 1. С. 154.
- 10 Власов-Окский Н. С. Ф. М. Достоевский (1821–1921) // Известия Тверского Губсоюза. 1921. 18 ноября. № 31. С. 6.
- 11 Кадомская А. Д. и Тихонович Е. Г. Хроника... С. 34.
- 12 Пушкин. Достоевский [сб. ст.]. Пб.: Дом литераторов, 1921. 149 с.
- 13 Достоевский и Пушкин / под ред. и с предисл. А. Л. Волынского [Флексера А. Л.]. СПб.: Парфенон, 1921. 56 с.
- 14 Л. Г. [Гроссман Л. П.] Достоевский и Пушкин // Экран. 1922. № 32. С. 13.
- 15 Никольский Ю. А. Тургенев и Достоевский. История одной вражды. София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921.
- 16 Преосв. Антоний, митр. Киевский и Галицкий. Словарь к творениям Достоевского. София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921.
- 17 Литература за рубежом // Вестник литературы. 1921. № 10. С. 19–20.
- 18 Lavrin Janko. Dostoevsky and His Creation: a psycho-critical study. London, 1920.
- 19 Литературная хроника // Вестник литературы. 1921. № 9. С. 20.
- 20 Dr. Dragutin Prohaska. Fjodor Mihajlovič Dostojevski. Studija o sveslavenskom čovjeku. Zagreb. 1921.
- 21 Литературная хроника // Вестник литературы. 1921. № 9. С. 20.
- 22 Zweig S. Drei Meister: Balzac — Dickens — Dostojewski. Insel, Leipzig 1920.
- 23 Ветринский Ч. [Чешихин В. Е.] Указ. соч. С. 9.
- 24 Лутохин Д. А. Изучение Достоевского // Вестник литературы. 1922. № 1. С. 14.
- 25 Горький М. О «карамазовщине» // Русское слово. 1913. 22 сентября.
- 26 Литературная хроника // Вестник литературы. 1921. № 1. С. 16.
- 27 Редько А. Судьбы русской литературы // Вестник литературы. 1921. № 12. С. 10.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 Там же. С. 11.
- 31 Бобров С. П. Рец. на изд.: «Начала», журнал истории литературы и истории общественной. Петербург, 1921. № 1 // Красная новь. 1922. № 1. С. 318.
- 32 Кауфман А. Е. Апофеоз Достоевского (Ответ «недоумевающему читателю») // Вестник литературы. 1921. № 3. С. 3.
- 33 Достоевский. 30 октября 1821 — 11 ноября 1921 [ред. ст.] // Летопись Дома литераторов. 1921. 15 ноября. № 2. С. 1.
- 34 Там же.
- 35 Кранихфельд В. П. Преодоление Достоевского // Современный мир. 1911. № 5. С. 322–339.
- 36 «Многое в Достоевском должно быть преодолено, как русский соблазн». См.: Бердяев Н. Россия и Западная Европа // Русская мысль. 1917. № 5–6. С. 80.
- 37 Айхенвальд Ю. Памяти Достоевского // Новая жизнь. М., 1922. Кн. 1. С. 13.
- 38 Там же. С. 12.
- 39 Айхенвальд Ю. И. Особое мнение: к 100-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского // Вестник литературы. 1921. № 10. С. 2.
- 40 Там же. С. 1.

- 41 См.: Айхенвальд Ю. И. Достоевский // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей: в 2 т. М.: Юрайт, 2021. Т. 1. С. 333–349.
- 42 Кауфман А. Е. К особому мнению о Ф. М. Достоевском // Вестник литературы. 1921. № 10. С. 1.
- 43 Новицкий П. Достоевский и революция // Помощь. Симферополь: Изд. Крым. ЦК Помгола, 1922. Кн. 1. С. 29.
- 44 Фатов Н. Н. Как же относиться к Достоевскому? // Вестник литературы. № 12. С. 10.
- 45 Там же.
- 46 Мстиславский С. Д. «Записки из Мертвого дома» (к юбилею Достоевского) // Экран. 1921. № 6. С. 3.
- 47 Там же.
- 48 Там же.
- 49 Там же.
- 50 Там же.
- 51 Фриче В. М. Ф. М. Достоевский (1821–1921) // Народное просвещение. 1921. № 91. С. 2–3.
- 52 Бобров С. П. Кони о Некрасове и Достоевском // Красная новь. 1921. № 4. С. 247.
- 53 Рожицын В. Ф. М. Достоевский: к 100-летию со дня рождения: памяти великого врага // Коммунист. Харьков, 1921. 12 нояб.
- 54 Лейтес А. Достоевский в свете революции (1821 — 1881 — 1921) // Зори грядущего. Харьков, 1922. № 1. С. 102–108.
- 55 Там же. С. 103–104.
- 56 Там же. С. 107.
- 57 Там же. С. 104.
- 58 В приведенной цитате сохранена авторская пунктуация.
- 59 Там же. С. 105.
- 60 Там же. С. 108.
- 61 Луначарский А. В. Достоевский как художник и мыслитель. Стенограмма речи, произнесенной на торжестве в честь столетия со дня рождения Ф. М. Достоевского // Красная новь, 1921. № 4. С. 209.
- 62 Там же. С. 211.
- 63 Луначарский А. В. Достоевский как мыслитель и художник // Луначарский А. В. Собр. соч.: в 8 т. М.: Гослитгиздат, 1963. Т. 1. С. 195.
- 64 Н. В. С. [Старииков Н. В.] Федор Михайлович Достоевский (12 ноября (30 октября) 1821 г. — 12 ноября 1921 года) // Труд. 1921. 12 ноября. С. 2.
- 65 Там же.
- 66 Новицкий П. Достоевский и революция... С. 20, 26.
- 67 Там же. С. 21–22, 29.
- 68 Там же. С. 20–21.
- 69 Переверзев В. Ф. Достоевский и революция. (К столетию со дня рождения) // Печать и революция. 1921. № 3. С. 4.
- 70 Там же. С. 9–10.
- 71 В журнальном мире. (Хроника). III. Достоевский и революция // Красная новь. 1922. № 1. С. 289–291.
- 72 Голлербах Э. Ф. М. Достоевский. (К 40-летию со дня смерти) // Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1921. 10 февр. № 29. С. 2.
- 73 Зарин А. Два юбилея // Красный командир. 1921. № 24/25. С. 52.

- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Горбачев Г. Е. Революция и Достоевский (К 100-летию со дня рождения: доклад, прочитанный в открытом заседании Научного общества марксистов в Петрограде) // Записки Петроградского им. Толмачева Инструкторского института. Политическое управление Петроградского военного округа. Петроград, 1922. № 3. С. 6–7.
- ⁷⁶ Там же. С. 7.
- ⁷⁷ Там же. С. 31.
- ⁷⁸ Достоевский и сцена // Жизнь искусства. Петроград, 1921. 15 ноября. № 817. С. 2.
- ⁷⁹ В. Н. Рец. на изд.: «Достоевский. Однодневная газета Русского библиологического общества. 30 октября 1821 г. — 30 октября 1921 г.» // Петроградская правда. 1921. 15 ноября.
- ⁸⁰ Л. Н. [Лернер Н. О.] Печальник чердака и подвала // Петроградская правда. 1921. 20 ноября. С. 2.
- ⁸¹ Ф. М. Достоевский (1821–1921) [ред. ст.] // Московский печатник. 1921. № 12. С. 2.
- ⁸² Солодовников Н. Творчество Достоевского // Красный воин. 1921. 12 ноября. С. 3.
- ⁸³ Пленов Д. Ф. М. Достоевский. (К столетию со дня рождения) // Там же. С. 2.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Лаптев. Тебе нашему... (К 100-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского) // Там же. С. 2.
- ⁸⁶ Сорокин П. А. Заветы Достоевского // Артельное дело. 1921. № 17/20. С. 4–7.
- ⁸⁷ Аскольдов С. А. [Алексеев С. А.] Достоевский как учитель жизни // Там же. С. 7–15.
- ⁸⁸ Карсавин Л. П. Федор Михайлович Достоевский (30 окт. 1821 — 28 янв. 1881) // Там же. С. 2–4.
- ⁸⁹ Карсавин Л. П. Федор Павлович Карамазов как идеолог любви // Начала. 1921. № 1. С. 49.
- ⁹⁰ Котляревский Н. А. Тихая ночь. (Памяти Ф. М. Достоевского) // Там же. С. 15–33.
- ⁹¹ Браудо Е. Германия. Немецкая интеллигенция в 1920 — 1921 гг. Хроника. Из интеллектуальной жизни Запада // Там же. С. 228.
- ⁹² Лемке М. Концы, а не начала // Петроградская правда. 1922. 28 марта.
- ⁹³ Бобров С. П. Рец. на изд.: «Начала»... С. 318.
- ⁹⁴ Архангельский В. Политик и поэт // Саррабис. Саратов, 1921. № 4. С. 14.
- ⁹⁵ Достоевский. 30 октября 1821 — 11 ноября 1921 [ред. ст.] // Летопись... С. 1.
- ⁹⁶ Вишняков Н. Достоевский в русской критике // Жизнь искусства... С. 2.
- ⁹⁷ Игнатов И. Достоевский Федор Михайлович // Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат». 11-е изд., стереотип. М., 1922. Т. XIX. С. 20–21.
- ⁹⁸ Там же. С. 36.
- ⁹⁹ Б. Россия в художественной жизни Германии // Культура и жизнь. 1922. № 1. С. 64.
- ¹⁰⁰ Голлербах Э. Портреты Достоевского // Жизнь искусства... С. 3.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Голлербах Э. Ф. М. Достоевский... С. 2.
- ¹⁰³ Каратыгин В. Достоевский и музыка // Жизнь искусства... С. 4.
- ¹⁰⁴ Носков Н. Достоевский и театр // Там же. С. 2.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Аполлонская-Стравинская И. Нечто об эстетических страданиях // «Достоевский». Однодневная газета... С. 24–25
- ¹⁰⁷ Там же. С. 25.
- ¹⁰⁸ Поляков А. Достоевский и театр // Там же. С. 22.

Список литературы

1. Белов С. В. Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. СПб.: Российская национальная библиотека, 2011. 755 с.
2. Гозенпуд А. А. Достоевский и музыка. Л.: Музыка, 1971. 173 с.
3. [Гроссман Л. П.] Творчество Достоевского. 1821–1881–1921: сб. ст. и материалов / под ред. [и с предисл.] Л. П. Гроссмана. Одесса: Всеукр. гос. изд-во, 1921. XII, 150, [2] с.
4. [Долинин А. С.] Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. [Сб. 1] / под ред. А. С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922. 517 с.
5. Жирков Г. В. Петербургская школа подготовки журналистов: три модели выпускника // 60 лет университетскому журналистскому образованию в России. 1946–2006. Ленинград-Санкт-Петербург, факультет журналистики СПбГУ. СПб.: Моби Дик, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://jf.spbu.ru/museum/296/297.html> (10.07.2021).
6. Захаров В. Н. Синдром Достоевского // Север. 1991. № 11. С. 145–151.
7. Захаров В. Н. Актуальность Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–20 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (10.07.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321
8. Резниченко А. И. Карсавин // Православная Энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла Т. 31. С. 341–357 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1681165.html> (10.07.2021).
9. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии). Пг.: Опояз, 1921. 48 с.
10. Шахнович М. М. [М. Ш.]. Рожицын Валентин Сергеевич // Изучение религии в России в XVIII — первой половине XX в. Санкт-Петербургский государственный университет. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://relstud-hist.spbu.ru/articles/rozicyn-valentin-sergeevic> (10.07.2021).
11. Шилов Л. А. Миролюбов Виктор Сергеевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь: в 4 т. [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=115 (10.07.2021).

References

1. Belov S. V. F. M. *Dostoevskiy. Ukazatel' proizvedeniy F. M. Dostoevskogo i literatury o nem na russkom yazyke, 1844–2004 gg.* [F. M. Dostoevsky. Index of F. M. Dostoevsky's Works and Writings on Him in the Russian Language, 1844–2004s]. St. Petersburg, The National Library of Russia Publ., 2011. 755 p. (In Russ.)
2. Gozenpud A. A. *Dostoevskiy i muzyka* [Dostoevsky and Music]. Leningrad, Muzyka Publ., 1971. 173 p. (In Russ.)
3. Grossman L. P. *Tvorchestvo Dostoevskogo. 1821–1881–1921: sbornik statey i materialov* [Dostoevsky's Works. 1821–1881–1921: Collection of Articles and Materials]. Odessa, Vseukrainskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1921. 150 p. (In Russ.)
4. Dolinin A. S. F. M. *Dostoevskiy. Stat'i i materialy* [F. M. Dostoevsky. Articles and Materials]. Peterburg, 1922, collection 1. 517 p. (In Russ.)
5. Zhirkov G. V. St. Petersburg School of Journalism: Three Models of Graduates. In: *60 let universitetskomu zhurnalistskomu obrazovaniyu v Rossii. 1946–2006. Leningrad — Sankt-Peterburg, fakul'tet zhurnalistiki SPbGU* [60th Anniversary of University Education in Journalism in Russia. 1946–2006. Leningrad — St. Petersburg, Faculty of Journalism, St. Petersburg State University]. St. Petersburg, Moby Dik Publ., 2006. Available at: <http://jf.spbu.ru/museum/296/297.html> (accessed on July 10, 2021). (In Russ.)

6. Zakharov V. N. The Relevance of Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2021, vol. 8, no. 1, pp. 5–20. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (accessed on July 10, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321 (In Russ.)
7. Zakharov V. N. The Dostoevsky Syndrome. In: *Sever*, 1991, no. 11, pp. 145–151. (In Russ.)
8. Reznichenko A. I. Karsavin. In: *Pravoslavnyaya Entsiklopediya pod redaktsiey Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla* [Orthodox Encyclopedia Edited by Patriarch Kirill of Moscow and All Russia]. Vol. 31, pp. 341–357. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/1681165.html> (accessed on July 10, 2021) (In Russ.)
9. Tynyanov Yu. N. *Dostoevskiy i Gogol' (k teorii parodii)* [Dostoevsky and Gogol (to the Theory of Parody)]. Petrograd, OPOYAZ Publ., 1921. 48 p. (In Russ.)
10. Shakhnovich M. M. Rozhitsyn Valentin Sergeevich. In: *Izucheniye religii v Rossii v XVIII — pervoy polovine XX v. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. 2021* [Study of Religion in Russia in the 18th — the First Half of the 20th Century. St. Petersburg State University]. Available at: <https://relstud-hist.spbu.ru/articles/rozicyn-valentin-sergeevic> (accessed on July 10, 2021) (In Russ.)
11. Shilov L. A. Mirolyubov Viktor Sergeevich. In: *Sotrudniki Rossiyskoy natsional'noy biblioteki — deyateli nauki i kul'tury: Biograficheskiy slovar': v 4 tomakh* [Employees of the National Library of Russia — Scientists and Cultural Figures: Biographical Dictionary: in 4 Vols]. Available at: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=115 (accessed on July 10, 2021). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Куликова Дарья Евгеньевна, аспирантка **Daria E. Kulikova**, PhD Student of the Faculty факультета журналистики, Московский of Journalism, Lomonosov Moscow State государственный университет им. М. В. Ло- University (ul. Mokhovaya 9с1, Moscow, 119019, моносова (ул. Моховая, 9с1, г. Москва, Рос- Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-742X>; e-mail: egle13solnze@mail.ru.
e-mail: egle13solnze@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.08.2021

Принята к публикации / Accepted 01.09.2021

Дата публикации / Date of publication 15.09.2021